

наши публикации

К 190-летию со дня рождения А. С. ПУШКИНА

О творчестве и жизненном пути Пушкина написано немало ярких, талантливых книг и статей. И, верно, будет еще и еще написано, пока человек исповедует чувства красоты, гармонии и правды. Но, думаю, что сегодня нам очень важно вспомнить не только об историко-литературном значении Пушкина, но и о значении его для нашего воспитания, совершенствования, для нашей сегодняшней жизни. В конце концов мы все следуем завету Гоголя, который высказал замечательные слова: «Пушкин есть явление чрезвычайное и, может быть, единственное явление русского духа. Это русский человек в его развитии, в каком сила, природа, русская душа, русский язык, русский характер...»

Пушкин обращался к грядущим поколениям, к нам:

Ты, солнце святое, гори!
Как эта лампада бледнеет
Пред ясным восходом зари,
Так ложная мудрость мерцает и глеет
Пред солнцем бессмертным ума.
Да здравствует солнце,
да скроется тьма!

СТРАНИЦЫ ИЗ БЛОКНОТА

В дневнике художника Виктора Березина есть такие строки: «Я люблю Пушкина за то, что на вопрос Николая I: «Что вы сделали бы, если бы в четырнадцатом декабря были в Петербурге?» — он ответил: «Снял бы я ряды мятежников»».

Я люблю его за мужество, за ненависть ко всякому унижению, за высокое чувство собственного достоинства, за сыновнюю любовь к Родине и свободе. Люблю за то, что он не был, что называется, обывателем, «порядочным» человеком».

Рисунок и портрет Пушкина работы художника В. Березина.

ВЫСШЕЕ ЯВЛЕНИЕ РУССКОГО ДУХА

Почти два века отделяют нас от того дня, когда родился гений русской поэзии Александр Сергеевич Пушкин. Его значение, по мере удаления во времени, не угасает, а возрастает. Концентрические круги прогрессивного влияния расходятся от пушкинской эпохи — на всю историю русской литературы и устремляются в ее будущее. Уже в золотом веке русской литературы, которым по праву считается век дворянства, виднейшие его представители, мастера художественного слова ориентировались на гения Пушкина, подчас идя по пути от критического осознания к поклонению Пушкину, подчас идя по пути от критического осознания к поклонению Пушкину, подчас идя по пути от критического осознания к поклонению Пушкину, подчас идя по пути от критического осознания к поклонению Пушкину...

— Русский дух, «русскость» Пушкина не отделили от всего мира, от всего человечества, а, наоборот, сближают с ним. Пушкин умел понимать культуру всякого другого народа, будь то древний грек или современный ему англичанин, француз, итальянец... Все высокое, прогрессивное, сохранявшееся в истории человечества, он аккумулировал в себе, включая в свой совершенный самостоятельный синтез. Поэтому значение Пушкина не только русское, но и всемирное, и определяется оно прежде всего совокупностью его поэтического мироздания.

— Вероятно, Валерий Яковлевич, поняв основные черты его поэтического мироздания, мы тем самым и ответим на вопрос: что же все-таки означает для советских людей это понятие феноменальное культурное и духовное явление, каким стал для нас Пушкин?

— Да, конечно, но при этом мы должны будем найти и показать главные противоречия, над разрешением которых бился гармоничный гений Пушкина. В своем творчестве он всегда сохранял норму здравого разума. Пушкин чувствовал искренне, живо и сильно. Он мыслил быстро, метко и необыкновенно реально. Все движение его гения было подчинено чутко улавливаемому закону меры. В радости и скорби, в любви и дружбе он никогда не ападал в крайности, в ложную акцентированность или сентиментальность — свидетельство подмены истинного чувства усиления эмоционального воображения. Он был гением в облобье естественности, в облобье «обыкновенного», здорового человека...

Пушкин реально представлял себе масштаб и силу своего дарования. Но у него не было мелочных сомнений, эгоистических амбиций, столь свойственных посредственным величинам в искусстве. Он умел целиком погрузиться в интересы народа, отдаваясь обыкновенной окружающей жизни, влиянием которой, дружбы, любви, он был всецело поглощен своими житейскими успехами и неудачами, которые были кровно связаны с жизнью общества. Он воспринимал, подобно изображенному им Мопарту, гениальность как черту природы, выделяя, не кичась ею. И самое существенное в его взаимоотношениях с окружающей средой вытекало из его мироздания.

Пушкин не пугал вечность, смерть не ужасала его. Он не считал противоречие между конечностью человеческой жизни и бесконечностью природы безотрадным. Смерть, если она приходит в конце радости и удовлетворенной жизни, есть лишь завершающий беспорядочный сон.

И тих мой будет поздний час;
И смерти добрый гений
Щепнет, у двери постучась:
«Пора в жилище теней!»

В размышлениях Пушкина о смерти видно, как он любит землю: светило дня, небес завесу, немую ношу мглы, денницы сладкий час, знакомые холмы, ручьи пустынного леса. Мужество перед лицом смерти он находит в мысли о вечности человеческого рода. Пушкин хотел жить в памяти друзей. И потому он живет и сегодня в наших душах. Число его друзей бесконечно множится. Это произошло потому, что Пушкин был земным человеком, и все его идеалы сосредоточивались в земной действительности.

По сути своей, по характеру своего умственного развития и поэтического мироздания, по природным своим задаткам Пушкин создан был для гармонического существования в согласии с миром и людьми. К нему самому могли быть обращены слова из

Просвещенный поэт бросал смелый и даже, по-своему, зазорный вызов самодержавию. Его возмущал дух политического рабства, господствовавший во всех слоях общества. Проснувшееся чувство личности и собственного достоинства не мирилось с азиатским произволом и мракобесием, с политической считавшейся образцово-показательной военной цензурой. Он понимал, что гарантия достоинства личности может дать только политическая свобода. И, конечно, образ духа независимости Пушкин видел главным образом в среде борющихся против самодержавия дворянских революционеров — декабристов. В знаменитой оде «Вольность» он писал:

Увы! куда ни брошу взор —
Везде бичи, везде желез...

И лира Пушкина призывает к борьбе, к революционному изменению общества:

Тыраны мира! трепещите!
А вы, мужайтесь и внимайте,
Восстаньте, падшие оаы!

К тому же ходу мыслей, характерному для апогея революционных настроений Пушкина, относится следующая замечательная запись его: «Только революционная голова... может любить Россию так, как писатель только может любить ее язык. Все должно творить в этой России и в этом русском языке».

Однако естественно, что революционность Пушкина не надо преувеличивать. После разгрома декабристов в России до поры до времени не осталось ни одной революционной силы, кроме стихийного движения крепостных крестьян. В крестьянской революции отсутствовал элемент просвещения — это был для Пушкина ничем не искупимый недостаток.

И вот здесь обнажается еще одно противоречие в мироздании поэта. Он пытается ужиться с самодержавием, сохраняя самостоятельность, собственное достоинство, право на счастье, основы которого, по его мнению, должны выработать сами. Но самодержавие не считало себя обязанным бережно относиться к великому поэту. Из попытки Николая I «приручить» поэта ничего не получилось. В поэзии Пушкина осталось неразрешенное противоречие: он видел, что в его время свобода неосуществима, но гений его не мог ужиться ни с этим положением, ни с абсолютизмом...

И все же, при всей противоречивости пушкинского мироздания, при всей дисгармоничности его жизни трудно найти поэта, так воплотившего в себе и своем творчестве законы гармонии!

— Да, несомненно, Пушкин постоянно искал гармонии с окружающей средой, но не находил ее. Он давал ясно представлять себе условия этой гармонии и неоднократно давал поэтический и философский комментарий этим былым для него неприятиям. В толщине России, особенно после разгрома декабристов, гармония с действительностью могла быть достигнута только путем отказа от всего того, что возмущало его. Но Пушкин не хотел этого. Он хотел жить и творить, и в этом смысле пушкинское мироздание — это мироздание, которое было и должно было быть.

Разлад с действительностью лишил спокойствия и счастья. Пушкин искал примирения с действительностью и видел, что цена примирения — смирение и что подобное смирение ведет к жалкому обесцениванию личности. Взрослый человек может с симпатией и уважением смотреть на детскую улыбку, но уместиться в ней не может. Таков же, на мой взгляд, смысл симпатии Пушкина к образам Белкина и Гринёва. Замечу, что Белкин и Гринев не были идеалами Пушкина, как полагал, например, Александр Григорьев. Да, тепло и сочувственно рисует Пушкин образ Гринёва в «Капитанской дочке». Но при этом он смотрит на Гринёва как на человека, как на человека, который не способен к великим поступкам. Для Пушкина примирение с гармонией Гринёва и Белкина было невозможно как далекий, прекрасный, но далекий детский сон. Для поэта гармония с миром была бы

возможна только на пути вверх, при сохранении и умножении духовного народного богатства, созданного предшествующим развитием, при скептическом взвешивании достоинств окружающей действительности.

Однако при этом необходимо заметить, что в мироздании и творчестве Пушкина при всех значительных изменениях поражает наличие несомненного постоянного стержня. Независимость и самостоятельность поэтического и умственного развития Пушкин не отдавал во власть казенщины ни во имя царя земного, ни во имя царя небесного. Его политические убеждения менялись, но одно правило оставалось неизменным:

Вреду своим путем,
Будь всякий при своем...

— Анализируя в целом жизнь поэта, можно было бы прибегнуть, пожалуй, к тому, что некогда написал о нем Д. Н. Овсянко-Куликовский: «Живой, как ртуть, впечатлительный и горячий, как истый «сып» юга», точно он в самом деле родился «под небом Африки своей».

Да, Пушкин торопился не только жить и чувствовать, но и действовать. Точно какой-то бес дразнил и манил его браться за все и во все вмешиваться — от привольных интриг до журнальных драм! В начале двадцатых годов своего столетия ему ужасно хотелось быть «заговорщиком», и тайны декабристов не давали ему спать. В Кишиневе и в Одессе он буйствует, сорит с начальством, дерется на дуэли, ведет светскую рассеянную жизнь. Живое интересует его и цыганский табор, и востание греков. А в Михайловском? Он томится от «безделья», пишет ненужные прошения и чудные письма. Затем, в Петербурге, выплывает в великосветские интриги, сорит с министрами, затевает журнал и газету, полемизирует с Булгариным, жавием, сохраняет самостоятельность, конечно же, проложив путь к тому, что возбудит общественность. Не может держать язык за зубами и пишет то гимны, то эпитафии. Он — и поэт, и историк, и критик, и публицист.

Тем не менее в психологический набросок Овсянко-Куликовского, о котором мы упоминали, необходимо внести существенную поправку. «Натура» Пушкина была не «африканской» или какой-либо иной, а глубокой русской. Трезвость, ясность, отсутствие мистицизма и националистической нетерпимости, живость, интуиция, любознательность, широта кругозора — все эти черты, свойственные Пушкину, являются как раз и чертами русского национального характера. Но активную, деятельную сторону пушкинского гения Овсянко-Куликовский уловил верно. Причины же одиночества поэта исходили отнюдь не из скверности духа или высокомерного индивидуализма. Пушкин протягивал руку к встречному рукопожатию — но как часто ему в ответ вкладывали камень!

Судьба Пушкина — это судьба одиночки в среде своего класса, который начинает рвать с ним тогда, когда еще не видно было прогрессивного общественного класса, на сторону которого можно было бы перейти с полным осознанием того, что можно выполнить свой долг перед народом. Наиболее прозрачные и поэтические умы прошлого всегда видели в Пушкине провозвестника грядущего очищения и коренного преобразования и общества, и человека. Гоголь и Лермонтов, Тургенев и Гончаров, Достоевский и Толстой выступили как продолжатели и ученики Пушкина. Мучившие их боли терзали уже душу Пушкина, волновавшие их проблемы были углубившимися, обострившимися, ставшими еще более неотложными проблемами, осознанными впервые Пушкиным. «Он у нас — начало всех начал», — справедливо писал Говький.

Стремление к деятельному счастью, поиски радости — радости для себя и для других, счастья для оного и для всех — рождал Пушкина не только во всем, но и в различии рас и национальностей. Вот почему мы его считаем своим современником!

Записал М. СЕМЕНЮК.

Поиски и находки Увековечено его пером

Свято храним и оберегаем мы все, что связано с именем А. С. Пушкина. Нам дорого то, что хотя бы как-то соприкоснулось с его жизнью и творчеством. Осененные гением великого поэта, судьбы многих людей становятся по прошествии времени еще интереснее, если увековечены его пером.

Благодаря поэту нам известны имена многих его тверских, старинных современников, почитателей его таланта, друзей, знакомцев, поклонниц. О ком-то мы знаем больше, о ком-то меньше, чье-то существование оставило след лишь в коротких строчках писем поэта. И тем радостнее узнавать о неизвестном, открывать неведомое, никем не открытое.

В письме к Алексею Николаевичу Вульфу 27 октября 1828 года из Михайловского Пушкин пишет: «...При сей верной оказии доношу вам, что Марья Васильевна Борисова есть цветок в пустыне, соловей в лиственной перла в море, и что я намерен на днях в нее влюбиться...»

Из всех старинных предстий лишь одна она была удостоена таких эпитетов. В ее альбоме Пушкин позднее запишет следующее:

Минуты сладостных свиданий
И прелесть девственных ланит,
И пылкий жар твоих лобзаний
Все память сердца сохранит...

«Пушкин, бывший здесь осенью (1828 г.), очень ввел ее в моду», — записал А. Вульф в своем дневнике. О ней впоследствии вспоминала Екатерина Евграфовна Синицына: «Марья Васильевна была сиротой... очень красивая, имела выразительные глаза. Воспитана просто».

Исследователи творчества А. С. Пушкина утверждают, что Марья Васильевна явилась прототипом Марии Мироновой в «Капитанской дочке». У Пушкина в черновиках Марья Миронова названа Машей Борисовой.

Так кто же она, неведомая старица...

какая красавица, заставившая дрогнуть сердце великого поэта, сумевшая оставить след в его творчестве?

В работах пушкинистов о ней сказано немного: дочь тверского дворянина и старинного помещика Василия Гавриловича, умершего в 1822 году. Поэтому ее и считают сиротой. Воспитывалась Маша в доме П. И. Вульфа. Больше о Машеньке Борисовой ничего не известно: как долго жила, когда родилась, вышла ли замуж, что стало с нею?

И вот совсем недавно на городском кладбище в Старице мне удалось обнаружить надгробие, на котором хорошо сохранилась надпись: «На сие место покоится прах невесты-сироты помещицы титулярной советницы Авдотьи Сергеевны Борисовой, скончавшейся в 1836 году на 69-м году своей жизни». Да, это была молодая мать Машеньки, расположенная возле существовавшей тогда-то церкви. Здесь же захоронения и других знакомых А. С. Пушкина — Верных, основателей села Берново, Вульфов.

Каково же было волнение, когда обнаружилась еще могила. И это надгробие сохранило сделанную более ста лет назад надпись. Вот она: «Здесь покоится прах незабвенной дочери моей из дворян девицы Марии Васильевны Борисовой, скончавшейся 1850 года ноября 3 дня, имевшей от роду 41 год».

Следовательно, Машенька Борисова родилась в 1809 году, 13 лет ей было, когда умер отец, 19 лет — когда встретилась с великим поэтом, в 41 год оборвала жизнь так и не вышедшей замуж. Как знать, может, причиной тому была неутолимая любовь к А. С. Пушкину. Довелось ей узнать и о его гибели и скорбеть вместе со всей Россией, и жить еще тридцать лет, вспоминая встречи с Пушкиным и разглашая трепетной рукою дорогие строки в альбоме...

В. СОКОЛОВА.

Стихи из конверта Побудь наедине с поэтом

С этим письмом в вашу редакцию меня, поэта и переводчица, заставила обратиться Е. Маршпикина, опубликованная в газете «Семья» такое письмо: «Вроде культурный человек, дипломированный специалист, и не люблю... Пушкина». Маршпикина старается уверить нас, что в ее письме к Пушкину виновата школа...

Я понимаю, что кому-то может не нравиться Пушкин, кому-то Толстой или Чехов. Но только ли школа виновата в этом? Ведь любовь и непонимание к поэзии зависят не только от симпатий или антипатий, приобретенных в школе, но и от склада чувств, от ваших переживаний, наконец, от самой личности человека, от его восприятия мира. Другими словами: от того, какие требования предъявляет человек сам себе, оставаясь наедине с книгой.

Как бы мы ни «прохолодили» Пушкина (конечно, хотелось, чтобы изучали его без сохластиков), он был, есть и останется великим творцом непреходящего, немеркнувшего. В его бесмертных произведениях — история, характер, язык народа.

Недавно по просьбе кабардинской поэтессы Фоусат Балкаровой я перевел ее стихотворение о Пушкине, ее признание в любви к великому русскому классику. Позволю себе привести его в этом письме:

Если бы жила я в Пушкинское время
И была почтенным горцем —
стариком, Москва.

Посадив поэта с родичами всеми,
Назвала б его я с нежностью сыном.

Ну а если б партской матерью была я,
И кавказской тропкой Пушкин к нам пришел, —
Гостя, полной чащей радостью встречая,
С материнской лаской поэта б за стол.

Если бы мальчишкой я была в ту пору,
А беда поэту начала грозить, —
Я бы к Черной речке мчалась через горы,
Чтоб его, как брата, грудью заслонить.

А была б в те годы юной и красивой,
Пушкин был бы холост в вихре дней своих, —
Он любовь горячки ощутил бы живо,
Обо мне сильнее пел, чем о других.

Пусть была бы даже не человеком —
Беркутом крылатым, полным ярых сил, —
Сердце у Дантеса, черное от века,
Вырвала б когтища, чтобы Пушкин жил!

Дмитрий СМЕРНОВ.

Книжные новинки ОБАЯНИЕ ПУШКИНСКОЙ ЭПОХИ

«Не затеять ли нам журнала?» — советовал Пушкин с Катениным в феврале 1826 года. «Дело в том, что нам надо завладеть одним журналом и царствовать самодельно и единолично», — писал он Вяземскому.

Идея создания «своего» органа печати осуществилась в 1830 году — с 1 января и по 30 июня 1831 года раз в пять дней выходила в Петербурге «Литературная газета». Право на ее издание получили Дельвиг, а в подполковник и редакторами первых тринадцати номеров газеты активно участвовал Александр Сергеевич Пушкин. Какой она была? Ничего читателям могут познакомиться с этим уникальным изданием с помощью новой книги, которая так и называется — «Литературная газета» А. С. Пушкина и А. А. Дельвига 1830 года» (издательство «Советская Россия»). Тринадцать номеров «Литературной

газеты» впервые собраны под одной обложкой. Здесь помещены отрывки из произведений известных писателей и поэтов того времени: А. Погорельского, Д. Давыдова, Ф. Глинки и, конечно же, самого А. Пушкина, а также — русская и зарубежная библиография, известия об открытиях, изобретениях «по части наук и искусства», о новых теориях, путешествиях, изысканиях древности, «новейшие анекдоты», статьи о театре... Читатели найдут здесь и портреты А. П. Погорельского и Н. Н. Раевского, Д. И. Вяземского и Н. И. Гнезича, Д. И. Фонвизина и П. А. Катенина, Н. М. Карамзина и В. К. Кюхельбекера. Это — необычайно издание. Оформление книги приближено к современному. Огляньтесь на обложку, чтобы сохранить особенности и обаяние пушкинской эпохи.

Л. НИКОЛАЕВ.

География праздника «КРАЯ МОСКВЫ, КРАЯ РОДНЫЕ...»

Эти слова принадлежат Пушкину: ведь он родился в Москве, отсюда уехал учиться в Лицей. И сюда же вернулся спустя пятнадцать лет, после ссылки на юг и в Михайловское.

Естественно, что Москва торжественно встречает нынешний Пушкинский праздник — 6 июня день рождения поэта, его 190-летие. Гостеприимно открыты двери Государственного музея А. С. Пушкина, в старинном особняке на Кропоткинском проспекте залы расположились здесь экспозиция, включающая более 40 экспонатов, посвященных жизни и творчеству поэта. Открыт и филиал музея — «Квартира А. С. Пушкина на Арбате». Что нового вы увидите посетив выставку «Дар А. И. Калашникова» — известная картина, посвященная Пушкину, — картина, посвященная Пушкину, — картина, посвященная Пушкину, — картина, посвященная Пушкину...

Пушкинские праздники проходят в эти дни во всех памятных местах, связанных с жизнью поэта, — в Ленинграде Пушкинские праздники в Калининской области, в Могилеве, во многих городах и селах. Все народная любовь к Пушкину неслыханно, П. МИШИН.